

Иероним Ясинский

Катря

Иероним Иеронимович Ясинский

Катря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707204

Аннотация

«Поезд остановился на пять минут. Станция – Блискавки. Пассажиров мало, никто издалека не едет. Эта ветвь железной дороги проведена сюда, чтоб вывозить хлеб, да и то зимою, а не летом. Летом кондукторы пробегают по пустым вагонам, и хорошо, если в вагоне найдётся два-три человека. Это лица знакомые, давным-давно примелькавшиеся кондукторам: еврей, помещик, поп, богатый казак, гимназист, гимназистка...»

Иероним Ясинский

Катря

Кн. А. И. Урусову

I

Поезд остановился на пять минут. Станция – Блискавки. Пассажиров мало, никто издалека не едет. Эта ветвь железной дороги проведена сюда, чтоб вывозить хлеб, да и то зимою, а не летом. Летом кондукторы пробегают по пустым вагонам, и хорошо, если в вагоне найдётся два-три человека. Это лица знакомые, давным-давно примелькавшиеся кондукторам: еврей, помещик, поп, богатый казак, гимназист, гимназистка. Начальник станции сидит на балкончике в рубашке и режется в карты. Иногда из вагона становой или кто-нибудь перекинется с ним приятельским словом. Если бы в числе пассажиров был при этом посторонний человек, *приезжий*, как выражаются здесь кондуктора, то его поразило бы, что начальник станции напоминает своим голосом тромбон. Зычный, оглушительный голос! Но уж из местных пассажиров никто не удивляется ни голосу начальника станции, ни его бесцеремонности. Вместо пяти минут, положенных по расписанию, поезда в Блискавках простаивают нередко

полчаса и час. Тоже никого это не удивляет, и все знают, что железнодорожные власти поджидают пассажиров из ближайших деревень. Дорога маленькая, всего сорок семь вёрст, пять сажень и три вершка с осьмою, и надо же компании получать что-нибудь с неё в летние месяцы.

Таким образом, и теперь поезд, остановившийся на пять минут, растянул этот срок почти на час, и пассажиры, как ни великодушно относились они к интересам компании, стали роптать.

Но обер-кондуктор начал «усоветничать» пассажиров, т. е. уверять их, что поезд сейчас тронется. Через десять минут он объявил, что поезд тронется сию секунду; через пять минут – что поезд уже трогается. Наконец, раздался сигнальный свисток, но поезд не трогался.

Тем временем по просёлочной дороге, усаженной роскошными каролинскими тополями и ровной как доска, катила коляска; серебряные гайки её колёс издали сверкали на солнце, а пыль белым облаком стлалась за нею. Начальник станции, сидя на балкончике против бледного, проигравшегося офицера, сейчас же узнал, чей это экипаж, и, распечатав новую колоду карт, крикнул на платформу помощнику:

– Граф Парпура!

Имя это успокоило пассажиров: стало ясно, почему так долго стоит поезд, и явилась незыблемая уверенность, что теперь стоять уж, действительно, недолго.

Граф Парпура выскочил из коляски; проведя платком по

чёрным висячим усам, он снисходительно ответил на поклоны помощника и кондукторов и сел в вагон первого класса. Станция, с резными коньками, с игрушечным балкончиком, с белыми стаканчиками телеграфных столбов, с платформами, стала уплывать от пассажиров; машина начала пыхтеть скорее и скорее, и, наконец, побежали по обеим сторонам зелёные луга, озёра, хутора, деревья, залитые жгучим солнцем; мерно застучали колёса вагонов.

Сидя в бархатном купе, граф сохранял некоторое время то особое выражение – отчасти тупое, отчасти горделивое – которое свойственно богатым людям, не расходующим умственной энергии на мелкие житейские заботы. Он был здоров, не стар, душа его ничем не волновалась. Он не служил; ни чиновник, ни земец, он просто барин...

Было жарко. Граф снял панаму, и в чёрных волосах его можно было бы заметить седину. Глаза у него ещё молодые, тёмные, с влажным блеском; но вокруг глаз уже легли лёгкие коричневые кольца приближающейся старости. Нос прямой, толстоватый, а крупный подбородок вельможно двоился. Невысокая шея уходила в богатырские плечи, хоть ростом граф и не богатырь. Большие руки были затянуты в свежие перчатки. Вместо цепочки, вислась по летнему полотняному жилету тесёмка, запонки были костяные, бельё дорожное.

Он смотрел в окно; стекло опущено, и ветер, всегда сопровождающий поезд, дул графу в лицо. Рожь и пшеница в

этом году замечательные. Но когда они бывают плохие? В их благодатных местах неурожай невозможная вещь; разве уж град выбьет! Земля удобрения не требует. Мужик богат. «Да и паны здесь – не бедный народ, – думает граф, примечая на горизонте усадьбы местных помещиков, неизбежно украшенные пирамидальными тополями. – У каждого дом – полная чаша как в старое доброе время; в глуши, где жизнь дёшева, проживают по десяти тысяч»...

Он вынул гаванскую сигару и закурил.

В соседнем купе кто-то вздохнул. То был странный вздох. Парпура сдвинул брови, а когда вздох повторился, почувствовал безотчётную тревогу и стал прислушиваться...

Палисандровая дверца отворилась, и в купе вошла хорошенькая барышня, худенькая, белокурая, в странном, полуукраинском, полурусском наряде. В длинной золотистой косе её пестрели разноцветные ленты, грудь рубашки была расшита тончайшими узорами, в руке девушка держала букетик цветов, а на шее у неё чернелась бархатная лента с брильянтовым крестиком. Лента выделяла молочную белизну кожи. Лицо было неправильное: серо-голубые глаза далеко расставлены, тёмные красивые брови, прямой нос, тупой на конце, приметный пушок над верхней губой капризного, очаровательного рта, и на щеке родинка. Она улыбнулась, когда вошла; можно было подумать: «Довольно развязная молодая особа». Но вопросительный взгляд Парпуры смутил её, девушка покраснела.

– Прошу вас, граф, – сказала она, доставая папироску, – нет ли...

Граф догадался и молча протянул спички с любезным жестом.

Она стала нервно и неловко зажигать папиросу. Наконец, зажгла, поперхнулась дымом и, возвращая спичечницу, сказала, не глядя на графа:

– Благодарю.

Уходя, она вынула из своего букетика розу, бросила её на пустое кресло и торопливо произнесла:

– Если понравится – возьмите; не хочу быть в долгу у вас.

Граф улыбнулся и взял розу.

Так это она так вздыхала? Можно было подумать, вздыхает больной, совсем больной ребёнок; между тем, на больную она не похожа. Должно быть, капризна и нетерпелива. «Она вздыхала просто от нетерпения», – решил граф и понюхал розу.

«Она меня, конечно, знает», – думал он затем – кто не знает графа Парпуру? – но он не встречал её раньше. Граф должен был признаться, что если бы он встретил её раньше хоть раз, то не забыл бы...

Тут он снова понюхал розу и, заткнув её в петличку пиджака, продолжал курить и глядеть из окна на убегающие пейзажи.

Местность степная, но когда-то здесь протекали реки, и от них остались глубокие русла, в виде бесконечных яров, по-

росших липовыми и ореховыми лесами. На дне блестят там и сям продолговатые озёра. Вдруг вынырнет вишнёвый саядик, хуторок белеется на солнце. Или громадный дуб стоит и точно хмурится на железнодорожный поезд. Курганы выделяются на горизонте тёмными буграми. По зеленеющему склону спускается молодая казачка в пёстром венке. Увидев поезд, она останавливается и долго смотрит, приложив руку к глазам. Стада неподвижно пасутся. А вот каролинские тополи. Граф узнаёт свои владения. Они рассеяны по всему уезду, и отличительный признак их – необыкновенная благоустроенность просёлков.

Раздался свисток: новая станция – Парпуровка. Поезд остановился, граф вышел из вагона. Лакей приблизился к нему и объявил, что лошади ждут. Вышла из вагона и та девушка. Граф был убеждён, что все местные барышни мечтают о нём, потому что, в самом деле, недурно выйти за барина, у которого двести тысяч дохода. Ко всяким знакомствам он относился, вследствие этого, подозрительно. Но с другой стороны, в качестве настоящего барина, он и не пренебрегал знакомствами, ибо какое знакомство может уронить его, графа Парпуру? Только выскочки и чиновные семинаристы высокомерны, а Парпура прост. Он слегка поклонился барышне и молча указал на розу. Девушка зарделась, и, неизвестно почему, Парпура сам покраснел. Выйдя на крыльцо, он заметил, что кроме его экипажа, нет другого. Тогда он послал своего лакея на платформу к незнакомой девушке с предло-

жением воспользоваться его экипажем. Но она отказалась. Бич захлопал, граф откинулся на подушки, и коляска пока-тила.

На перекрёстке, там, где аллея каролинских тополей пере-резывается обыкновенною просёлочною дорогою, граф уви-дел молодого дворянина Тычину, в двухколёсном экипаже, усердно погоняющего белую громадную лошадь, очевидно, не привыкшую ходить в упряжке. На Тычине была военная расшлёпанная фуражка; маленькое чёрное лицо его, со сви-репыми усами, пылало гневом. Граф подумал: «Уж не за той ли он барышней? Может быть, его родственница?» Обернув-шись, он некоторое время с улыбкой смотрел на Тычину и его гарцующего коня, пока пыль не скрыла их из виду. По-сле чего Парпура закурил новую сигару и перестал думать о хорошенькой незнакомке.

II

– Ну, Катря, садись! – сказал Тычина, не выпуская ремён-ных вожжей, туго намотанных на его длинную жилистую ру-ку. – Прыгай скорее, а то мухи не дают покоя *Полковнику!* Он меня чуть не разнёс... Такая скотина, убей его нечистая сила!

Девушка пожала плечами.

– *Беда?* Ты всегда выдумаешь невозможный экипаж... Кто просил тебя выезжать в *беде*? Ещё и Полковника запряг!

Вот так умный человек!

Тычина, пока говорила девушка, стоял возле лошади и смотрел из-под козырька в даль. Он был прям как палка. Короткий пиджак открывал невероятно длинные, тонкие ноги. Шея у него тоже была длинная, с некрасивым костлявым кадыком. Волосы лежали наподобие крыльев вóрона, а на загорелом лице, в глубоких впадинах, мрачно блестели тёмные глаза.

– Садись, Катря, – сказал он с угрозой, – не то сам уеду, и ты останешься одна тут... Намучился я с Полковником, не зли хоть ты меня!

– Не сяду я! – решительно отвечала Катря.

Всегда выходило, что, как только он возвысит голос, Катря начинает упрямиться. Попроси он ласково, пожалуй, она села бы и поехала. Но Катря не выносила угрожающего тона. Сердито прошла она по крыльцу, стуча каблучками, и губы её были сжаты.

С другой стороны, не рассердись Катря, Тычина согласился бы, что *беда*, в данном случае, совершенно неподходящий экипаж. Но теперь он был противного мнения. Катря разнежилась, надо её проучить. Не может иначе, как в коляске или первом классе! Скажите, барыня! Он побледнел и, вскочив в *беду*, стал поворачивать лошадь.

– Оставайся же тут, – крикнул он гневно, – и пускай выезжает за тобою кто хочет, а я тебе не слуга!

Красивые глаза Катри потемнели.

– Не слуга! – спросила она. – Ну, и прочь! Поезжай один! Дура я, что не послушалась графа... Да всё равно, моё от меня не уйдёт...

Катря улыбнулась бледной улыбкой. Покинуть её нельзя: она верила в обаяние своей красоты. Другое дело, если она сама бросит. Какая-то неопределённая мысль о Парпуре служила ей точкой опоры в этой размолвке. С холодным негодованием смотрела Катря вслед удаляющемуся Тычине.

Но та же мысль о графе осенила и его. Он круто повернул коня и как сумасшедший полетел назад к станции.

– Катря, садись, прошу тебя! – сказал он ласково.

Она хотела возразить что-нибудь жёсткое, чтоб унижить Тычину и заставить его подольше попросить, но встретила безмолвный, насмешливый взгляд бабы, стоявшей всё время на дворе, и торопливо села в *беду*; конь взвился на дыбы, потом рванулся и пошёл рысью, покорствуя железной руке возницы.

Минут через двадцать, они начали спускаться в глубокий яр. Над ними висели причудливые массы красной и жёлтой глины, поросшие орешником и сорными травами. Небо ярко синело. На озере возвышался остров, сообщающийся с берегом плотиной. Издали вид был красивый. Но когда *беда* запрыгала, Катря стала проклинать плотину. Ругнулся и Тычина. Колёса вязли в грязи.

– Я, знаешь, встану, – сказал Тычина. – Этак Полковника можно зарезать.

Девушка вопросительно посмотрела на него. Ей стало жаль, что он полезет в грязь.

– Сиди, – произнесла она.

Тычина взял у неё руку и поцеловал, а она слегка ударила зонтиком Полковника.

Они помирились. Тычина не понимал, как у него могла явиться мысль обидеть Катрю, и дивился своему вздорному характеру. Катря сердилась на себя, что упомянула о графе.

Полковник дотащил их благополучно до ворот усадьбы, и они въехали в громадный двор.

III

Тёмная зелень пирамидальных тополей и чёрная соломенная крыша составляли резкую противоположность с безукоризненно белыми стенами большого приземистого дома с двух крыльцах, увитых диким виноградом. По ту сторону дома рос сад. Множество собак, поджарых борзых, шелковистых сеттеров и толстоногих гончих, встретили молодых людей радостным лаем. Вышел мужик и принял лошадь. Катря с удовольствием подумала, что она дома, и побежала на свою половину.

В комнатах стояла духота. Рои мух жужжали в тёплом воздухе. Серебряная лампадка казалась чёрной – так они засидели её. Убранство было старосветское: гравюры в палисандровых плоских рамах, четырёхное фортепьяно, крас-

ного дерева мебель с вогнутыми спинками, большое зеркало в золочёной раме. В гостиной находилась, впрочем, дюжина современных кресел, и у многих из них уже выпадали ножки. Кабинет Тычины можно было скорее назвать птичником. От потолка до полу были протянуты по углам сети, и за ними бились и чирикали всевозможные пташки; стены увешаны арапниками, простыми и скорострельными ружьями, пороховницами и дробницами. Неизвестно, что писал дворянин Тычина и вообще писал ли когда-нибудь, но на его письменном столе красовалась тяжёлая бронзовая чернильница с крышкой, изображающей горящий факел. Мухи не успели ещё засидеть бронзу. Сияющая вещь эта вызывала чувство гордости в её обладателе. Над письменным столом висела полка с книгами по сельскому хозяйству и охоте. Книги были тоже предметом гордости Тычины: благодаря им, он считался первым хозяином и первым охотником во всём уезде.

Ещё не так давно у него было шестьсот десятин превосходнейшей земли. Он отдавал её в аренду мужикам и получал аккуратно до четырёх тысяч в год. Тогда он разъезжал по окрестным ярмаркам, слушал цыган, покупал лошадей, собак. Но теперь имение его заключается всего в ста семидесяти трёх десятинах, и по ярмаркам он не разъезжает. Зато в аренду земли не отдаёт, у него своя запашка, и он надеется, в скором времени, получать те же четыре тысячи с имения, если не больше. Как – это его тайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.